

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

РАСТРАТА

Сергей Алексеев

Растрата

«Алексеев Сергей»

1984

Алексеев С. Т.

Растрата / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей», 1984

Содержание

Сергей Алексеев	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Алексеев

Растрата

С утра над Туруханском было тихо. В полумраке стеклянно светились белесые енисейские воды, а густые тальники на Монастырском острове, наполовину затопленные, изжеванные по опушке ледоходом, недвижимо щетинились среди весеннего разлива. Но едва на востоке образовался рваный лоскут зари, как откуда-то вывалилась грузная стремительная туча и ударила по Туруханску снежным зарядом. Беспомощно гуднул ослепший теплоход, швартуясь к причалу; ахнула корпусом какая-то баржа, и через мегафон донеслась полузадушенная снегом брань.

Рогожников торопливо засунул путевую документацию в карман и побежал к причалу. Ему вдруг показалось, что ругается его рулевой моторист Васька Типсин. Механический голос из мегафона узнать трудно, да еще сквозь пену снегопада, но вроде он, словечко его – «слепопшарый»... А если Ваську вывели из терпения и заставили ругаться, значит, наверняка боднули его самоходку. Корпус у нее гнилой, всю зиму с Типсиным же кормовую часть штопали: заплат на заплате, шов на шве – только бы навигацию протянуть. Рогожников катился на сапогах по склону, прыгая через спирали ржавых тросов, битые ящики, и в памяти мелькали эпизоды ремонта самоходки, однообразные, как телеграфные столбы: Васька вырезает автогенном «блины» из листа железа, а он их лепит на очередную дыру или трещину. Сварочный держак горячий, рука не терпит, пальцы к тому же короткие, в рукавице его совсем не обхватить. Дал же Бог такие пальцы... Что, если этот дурак на теплоходе протаранил баржонку? Пропал рейс, да что рейс! Вся навигация для Рогожникова кончилась...

Капитан самоходки Илья Рогожников выбежал к деревянному причалу, утопленному в воде до самого настила, и тут снежный заряд внезапно спал, обнажив белую, как сугроб, баржу. Рядом тяжело работала двигателями назад высокий домообразный теплоход «Дельта». «Так и есть, мою... – с тоской подумал Рогожников. – Такая орясина боднет – не заштопаешь. Сейчас тонуть станет...» Он заскочил на палубу, сбив фуражку о леер, хотел поймать ее на лету, но поскользнулся и укатился на бок к двери рубки. Капитанская фуражка плюхнулась за борт, по закону подлости угодив в щель между причалом и обойником.

– Вася! – крикнул он, поспешно вскакивая. – Чего с корпусом?!

– Смотрю!.. – донеслось из недр самоходки. Еще там что-то позвякивало и громыhalo.

– Куда ты раньше смотрел?! – взъерился Рогожников, устремляясь к грузовому люку. – Заснул, что ли? Почему не сигнализировал?

– Так снег же... – раздался неторопливый и гулкий голос рулевого. – А он прет на меня, зараза...

«Дельта» мощно рывкнула и приткнулась наконец к причалу. Стихли двигатели.

– Дыра? – спросил Илья, до пояса просунувшись в трюм и прислушиваясь.

– Да вроде не должно... – пробурчал невидимый Вася Типсин. – Вроде пронесло...

– А что там булькает? Лезь в нос, смотри! Слышишь?

– Это сок бежит! – ответил рулевой. – Вот и хлюпает...

– Какой сок? – разозлился капитан и, резко развернувшись, сиганул в трюм.

– Виноградный, – добродушно отозвался Типсин. – Ящик один тут гробанулся сверху, на четыре банки...

Рогожников присмотрелся в темноте: штабеля ящиков, тюков, коробок. Одним словом, груз, плотно набитый в трюме до самой палубы. Есть только узкий проход в носовую часть.

И если бы была пробоина, вода бы уже хлестала в трюм, заливая и смывая ящики. Много ли надо, чтобы затопить пространство в половину вагона?.. У Рогожникова отлегло.

– Ты погляди, а?.. – продолжал рулевой откуда-то из глубины. – Сок грохнулся, а спирт, гад, целый остался. Хоть бы одну бутылочку кокнуло!.. Надо ж так, а?

– Лезь в машинное, там посмотри, – распорядился Илья. – Гляди, может, треснуло где...

– Не треснуло, – уверенно сказал Типсин, появляясь в проходе с банкой в руке, из которой вытекал сок. – Он нас в левый борт долбанул, вот сюда! – Он ткнул пальцем в ящики. – Снег же, паразит... Пить будешь? Одна, вишь, почти целая осталась...

Рогожников взял банку с отбитым горлом из рук моториста и глотнул несколько раз, оберегаясь, чтобы не порезаться.

– Хорошо отделались, – пробормотал он. – А Лунева еще не приходила?

– Была, да снова ушла, – разогнувшись во весь рост, так что голова уперлась в потолок, проговорил Вася. – Говорит, документы недооформила...

– Отчалить не успели, а уже груз бьем, – проворчал капитан и полез наверх. Он-то думал, что завскладом Лунева из Совречки, куда нужно было везти груз, уже на самоходке и все ждут его. Не терпелось скорее отвалить из Туруханска, мало ли чего может случиться. Вот тебе в борт шарахнули, а там еще что-нибудь...

Рогожников выбрался на палубу и, держась за леера, направился к рубке. К причалу кто-то шел, весь залепленный снегом, скользил, спотыкаясь, и Илья не сразу узнал участкового инспектора Савушкина.

Ломоть снега отвалился с его плеча, обнажив синий погон со звездочкой. «Ну вот... – подумал Рогожников и присел на трос леера спиной к Савушкину. – Сходил я, однако, в рейс...»

– Здорово, Илья, – сказал Савушкин и оглядел заснеженную палубу. – Под парами стоишь?

«Мы же с ним вместе в школе учились, – подумал Рогожников, – сколько раз на рыбалку ездили, на охоту... Видно, забирать пришел».

– Стою... – хмуро отозвался он, ковыряя толстые, широкие ногти на пальцах.

– Это куда же ты нацелился? – полюбопытствовал участковый, закидывая назад болтающуюся у ног планшетку. – Тебе же выезжать нельзя. У тебя подписка о невыезде.

– В Совречку, – буркнул Илья, продолжая думать о Савушкине. Был свой парень, туруханский, а надел форму и планшетку – вроде чужим стал. На другом бы, незнакомом милиционере эта планшетка и в глаза бы не бросилась. Тут же она болтается на Витьке Савушкине, на кореше, на однокласснике. Любой случай из детства взять – без него не обойдется. Да и потом уже, после школы, работать вместе пошли, в одной рыболовецкой бригаде до самой армии рыбачили. И только после армии разошлись. Смело можно сказать – кореш, но вот беда, кореш-то с планшеткой...

– В Совречку, – повторил Рогожников. – Загрузили под завязку.

– Ого! – протянул Савушкин. – Так это десять дней ходу! В оба конца-то? Суд у тебя на какое число назначили?

– На четырнадцатое... – вздохнул Илья. – Я своему начальству сказал, обещали похлопотать, чтобы перенесли...

– Ишь ты, барин, – добродушно заметил участковый. – Будут из-за тебя судебное заседание переносить!

– Да не из-за меня!.. – отмахнулся Илья. – Вода, обещают, нынче скоро спадет. А по мелководью туда и на моей посудине не пройти...

«Чего ты пристал? – без злости подумал Рогожников. – Ты свое дело сделал. Теперь судья мной распоряжается. Тебе-то чего беспокоиться?.. Заботливый ты, однако, кореш, торопишься поскорей отправить меня, чтоб душа не болела».

На палубе появился Типсин с банкой в руках и, заметив Савушкина с Рогожниковым, направился к ним.

– Пить хочешь? – спросил он участкового. – А то пропадает...

– Не хочу, – отозвался Савушкин, подозрительно глядя на банку.

– Попей, а то вытечет скоро, – настаивал Вася. – Жалко...

– Бери веник и сметай снег, – приказал Рогожников. – Не суйся, куда не просят.

– Так я говорю, пропадает же сок-то, – виновато протянул Типсин. – Лучше его выпить, чем разливать... У меня уже пузо болит, не лезет...

– Иди отсюда, – оборвал его капитан.

– Ладно, – согласился Савушкин, напившись. – Как бы мне разыскивать тебя не пришлось потом. Себе только и напакостишь, если удерешь.

– Куда я денусь? – пожал плечами Илья. – Самоходку-то не бросишь. Да и груз на мне...

– Черт тебя знает. – Участковый осторожно поставил банку на палубу. Остатки сока медленно сочились сквозь трещину, окрашивая снег в желтый цвет. – Что у тебя на уме?.. Мне ж потом тебя разыскивать...

– Не придется, – заверил Илья. – Через десять дней буду.

Он глянул за борт и увидел свою фуражку, вернее, ее размокший и бесформенный околыш с козырьком, торчащий из воды. Волны плескались о борт, откатывая ее все дальше под настил пристани. Ни слова не говоря, Рогожников перескочил через леера, упал на живот возле края пристани и попытался выловить фуражку рукой.

– Ты чего это? – удивленно спросил Савушкин.

– Подай багор! – крикнул Илья. – Он на корме.

Участковый послушно достал багор и протянул Рогожникову.

– Вот так, – удовлетворенно сказал капитан, выкручивая мокрую фуражку и стараясь не помять тусклого «краба» над козырьком. – Чуть не утонула фуражечка.

– Эх ты, капитан, – проговорил Савушкин и отчего-то поглубже натянул на лоб свою милицейскую фуражку, – вечно у тебя фокусы... Ну, плыви в Совречку, – разрешил он, – но помни про подписку. Как говорят, плыви и помни.

Он поправил планшетку на бедре и двинулся к берегу. Захрустела галька, прикрытая снегом, и смолкла. Савушкин остановился и, обернувшись, спросил:

– Пацанов-то своих видишь, нет?

– Вижу, – отозвался Илья, – на улице. Теща их по утрам в садик водит...

Участковый, видно, хотел еще что-то спросить, но, сплюнув, зашагал в гору. Следы от его казенных сапог уверенно резали белый заснеженный берег.

Вася Типсин обметал рубку и палубу, неторопливо и методично махая широкой сухой шваброй. Приблизившись к Рогожникову, он молча взял из его рук размокшую фуражку, выжал еще раз и отнес в кубрик.

– Чего ему надо? – спросил он потом, кивая на следы Савушкина. – Я-то подумал – все... Заберут сейчас тебя...

– Скоро заберут... – тихо сказал Рогожников. – Пацанов жалка-а... Сегодня иду в контору, а они – навстречу... За тещины руки держатся. Меня Любашка-то заметила, гляжу – вырывается, тянет ручонку из тещиной лапы... А теща скорей на другую сторону улицы и чего-то все бухтит-бухтит...

– Ага, – согласился для порядка Типсин. – Думаю, если забирать станет – возьму и отгоню самоходку от берега, пока ты с ним разговариваешь. Пусть-ка попляшет да покричит!.. Мне-то он ничего не сделает...

– Я те отгоню, – мирно пригрозил капитан.

– Вообще-то он вредный мужик! – поморщился моторист. – Искупать бы его разок, макнуть в Енисей...

Рогожников хотел сказать, что Савушкин парень ничего, справедливый и не злой, и он с ним в школе вместе учился и работал, но неожиданно почувствовал удовлетворение от слов рулевого. Давно его никто не защищал и не оправдывал. Даже адвокат, официальный защитник, даже мать и та постоянно говорит: «Ой, Илья, дура-ак, что же ты с семьей-то своей натворил, пошто разладил-то все? И ребятишки при живом отце сиротами ходят, и жена твоя не жена, а будто враг... Чего ты думал-то, когда по деревне за ней с ружьем носился? Башка-то у тебя на каком месте была?.. Она же не просто баба, а мать. Неужели и за мной бы гоняться стал?..» Илья благодарно взглянул на моториста и засунул окоченевшие от воды руки в карманы брюк. Васю Типсина никогда не трогали в Туруханске, ни на одной пристани в округе. Драчливые мужики попросту боялись его, а милиция, если моторист был выпивши крепко, не находила причин, чтобы отвезти его в вытрезвитель или на пятнадцать суток. Типсин вел себя мирно, как все люди большой физической силы. За три года, которые Рогожников плавал с ним, был один только случай, когда моторист подрался. Однажды они остановились на ночь возле маленького поселка на Енисее, и едва пришвартовались, как на палубу вломился мужик с пачкой денег в руке.

– Водки, – потребовал он. – Пять ящиков.

Водки в тот раз на барже не было. Везли сливочное масло и ящики с вермишелью.

– Водку гони! – не отставал мужик. – Или я тебя сейчас за борт кину!

– Вали отсюда, – добродушно посоветовал Вася. – Я спать хочу.

– Пошли на берег! – горячился мужик. – Я там тебя бить буду! А то утонешь еще...

– Не пойду, – сказал рулевой, – таких, как ты, мне трех надо...

Мужик ушел ни с чем, а Типсин завалился спать. Ночью его разбудили.

– Вставай, – сказал тот самый, жаждущий водки. – Я трех привел...

Типсин сошел на берег, но тут же вернулся.

– Что? – спросил встревоженный Рогожников, готовый бежать на помощь.

– Ничего... – проговорил Вася, укладываясь досыпать. – Одному дал, а все почему-то попадали...

С Типсиным плавать было надежно. Рогожников, кроме своих детей, жалел еще и его. Осудят, дадут срок, самоходка вместе с рулевым перейдет к другому капитану, которого усиленно сейчас искало начальство ОРСа. Прощай, надежный Вася Типсин!.. Когда дело Рогожникова ушло в суд, в конторе заговорили: дескать, давайте возьмем Илью на поруки, похлопочем, письмо напишем. Но вдруг разом, в один голос запротестовали все женщины, а их было большинство. «Нечего брать на поруки! – кричали. – Пусть знает, как жену с ружьем гонять! Распустились совсем! Им только дай слабину, так завтра и наши мужики за ружья похваляются... Пусть посидит, другим наука будет!..» С каждой женщиной в отдельности Рогожников был в хороших отношениях, не ругался, не скандалил и поэтому протест их встретил с удивлением, озлился, перестал разговаривать. Начальник ОРСа у женщин на поводу пошел, бегаёт теперь, нового капитана ищет.

Впрочем, со своей женой, Лидой, он тоже почти не ругался. Прожили шесть лет в доме у тещи, на улице, примыкавшей к берегу, Лида была родом из Туруханска, как и Илья; правда, уезжала на пять лет учиться, но снова вернулась и работала в школе преподавателем немецкого языка. Никто не ждал, что она вернется, говорили, мол, девка вырвалась в город – пиши пропало. После в Туруханск не потянет. А она приехала поздней осенью на попутной барже, когда рейсовые теплоходы уже не ходили. Капитан самоходки Илья Рогожников, первую навигацию командовавший судном, весь путь дышать боялся на пассажирку. По ночам, в морозы, самостоятельно кочегарил печурку в кубрике, запретил тогдашнему рулевому мотористу материться просто так, без дела, и втайне от себя хотел, чтобы баржа не дошла до Туруханска, чтобы вмерзла где-нибудь. Лида же, наоборот, спешила и подгоняла капитана – скорей! Скорей! Сколько можно тащиться?.. Потом, уже после свадьбы, до Ильи долетел слухок, что у Лиды

в Красноярске была какая-то несчастная любовь, отчего, дескать, и прилетела она к матери. Но Рогожников сразу начисто отмел все сомнения и слухи: мало ли что бывает до замужества. Теперь она – жена, и разговоров нет. Жили они каждый своей «навигацией»: его летом дома не сыщешь, ее – зимой. Первая искра между ними проскочила, когда Илья отказался учить немецкий язык. «Ни к чему он мне! – утверждал он. – Я в международные рейсы ходить не собираюсь, мне Тунгуски с Енисеем на всю жизнь хватит!» – «Мне хочется, чтобы ты учился, – стояла на своем Лида, – я тебя заставлю еще в институт поступать...» – «Сдался мне твой институт! – резал Илья. – Ты-то вот кончила, а толку? Все одно в Туруханске...» – «Мне с тобой жить не интересно!» – вырвалось у нее. «Ах, не интересно?! – взъерился Рогожников. – Тебе, может, стыдно со мной по Туруханску ходить?! Меня тут все знают, и тебя – тоже...» Она пыталась замять скандал, уговаривала Илью, соглашалась со всем, что говорит. И теща тоже уговаривала. Мир, кажется, наступил. Лида снова встречала его из рейсов, сидя на скамеечке, вкопанной на угоре. Рогожников издалека, от бакена на слиянии Енисея и Тунгуски, замечал ее в бинокль и давал длинный гудок. Потом она родила Любашку, и тут встряла теща. «Живете – качаетесь и второго ребенка заводите? – ворчала она. – Кому потом воспитывать?...» Илья напился, пришел домой, взял тещу за воротник и коротко сказал: «Не суйся, а то язык отрежу!» Теща перестала соваться, даже ласковая стала с Ильей, на праздники бутылочку покупала, спецовки его от мазута отстирывала. То ли напугалась, то ли и вправду поняла, что вмешиваться не дело. Илья на всю зиму семью обеспечивал, старался. Из рейса то бочонок грибов привезет, засоленных по пути, то рыбы или ягоды. А Лида почему-то не радовалась, все ей было не так. Взял однажды с собой старшего, Витьку, в рейс. Три дня плавали, пацану интересно! Пять лет только, а штурвал уже крутит. Типсину масло в двигатель помогает заливать, рыбачит. Но беда – простыл немного, из носа потекло и температура поднялась. Лида по возвращении набросилась – простудил ребенка! Чтоб не видела больше детей у тебя на барже! «Ничего! – бодрясь, смеялся Илья. – Пусть к воде привыкают! Подумаешь – сопли текут! Будто у тебя они в детстве не бежали!..» – «Детей не трогай!» – отрубила Лида. «Это ты брось, – сказал Рогожников, – я на них такие же права имею. Витька будет плавать со мной, пусть привыкает, капитаном станет!» – «Нет уж, сам в грязи по уши ходишь, „капитан“, и чтобы Витька таким же стал?» – «Кем захотят, тем и станут ваши дети», – благоразумно заметила теща, косясь на зятя. «Не лезь, мама! – крикнула Лида. – Я знаю, что говорю!» – «Один – не лезь, другой – не лезь! – завозмущалась теща. – Да я что, проклятая, что ли, между вас живу? Или только со внуками мне сидеть, а говорить уже нельзя? Рот затыкаете? Я тебя без отца вырастила-выучила, твоих детей теперь... Вы-то легко живете! Один плавает, другая в школе с утра до ночи, а все на мне! Вот уйду, так узнаете, почем эта легкая жизнь! Привыкли на готовенькое!..» Илью это заело. «Как на готовенькое? Что я, бездельник или пьяница?..» Теща, ни слова больше не говоря, собрала манатки и ушла к своей престарелой сестре. Тут-то и начался разлад. Илья, как всегда, был в рейсе, а Лида крутилась между домом и школой. Похудела, глаза запали, нервная стала, издерганная. «Из-за тебя мама ушла! – заявила она однажды. – Все из-за тебя! Я так жить не могу!» – «Бросай работу! – потребовал Рогожников. – Сиди дома с ребятишками!» – «Бросила бы, да я на тебя не надеюсь!» – «Я, выходит, во всем виноват?» – чуть не задохнулся Илья. «Ты! Ты мне жизнь испортил! У меня бы сейчас была такая жизнь!..» Она заплакала. Рогожникова будто волной обдало. «Эх, – простонал он, – жизнь такую...» Ночевал он на самоходке, пил в одиночку теплую, солоноватую водку из горлышка и бил кулаками в переборку. Глубокой ночью к трапу пришел Витька. «Пап, айда домой! – позвал он. – Мамка больше не будет...» – «Сыночек! – Илья втащил Витьку в кубрик. – Давай уедем куда-нибудь с тобой к черту! Сядем вдвоем и поплывем, поплывем...» – «А мамка с Любашкой как? – засомневался сын. – Их тоже надо с собой брать...» – «Отплавались, похоже, с мамкой, – тихо сказал Илья, – вмерзли в лед...» – «А вы помиритесь, – предложил Витька. – Мы вот с Любашкой подеремся, а потом

она меня пожалеет, а я – ее.. Сходи к бабе, позови ее домой, пусть она у нас живет, а не у этой старухи». – «Эх, Витька, было бы так все просто...»

С тех пор Рогожников часто оставался на самоходке после рейсов, домой идти не хотелось. А тут, уже по осени, заглянул на баржу участковый Савушкин. «Говорят, ты, Илья, в семье дебоширишь? – строго спросил он. – Ну-ка бросай это дело и живи, как все живут!» – «А как все живут?» – Рогожников был выпивши, и его тянуло отmaterить Савушкина, чтобы не лез с дурацкими советами. Однако после этого он стал приходить домой, исправно, как положено хозяину, заготовил дров на зиму, выкопал чуть не из-под снега картошку, когда был свободен, ходил в сад за детьми. Лида будто не замечала его, сидела до полуночи за проверкой школьных тетрадей или уходила на весь вечер в вечернюю школу, где дополнительно взяла вести часы. Савушкин под каким-нибудь предлогом часто заглядывал к Рогожникову, поговорит о пустяках и уйдет. «Нечего меня проверять! – разозлился как-то Илья. – Чего ты ходишь?» – «Служба, – успокаивал его участковый. – Живи спокойно, Илья».

А тут слух разнесся, будто теща где-то говорила при народе, мол, зять-то у меня достукался, в милиции на учете состоит как семейный дебошир. Стоило, дескать, уйти, как он куролесить начал, а что дальше будет? И все почему-то жалели Лиду, тещу, детей, но не его, не Илью...

Савушкин ходить перестал, но через день стали наведываться то с работы жены, то депутат, завуч из школы. Рогожников терпел, злился и, оставаясь дома один по вечерам (Лида была на работе), встречал гостей и, не ожидая вопросов, говорил: «Я трезвый, дети накормлены, спят, в избе прибрано... Чего еще интересуется?»

В январе Рогожников уехал на попутных с геологами на Большой порог по Нижней Тунгуске за двигателем и вернулся только через неделю. Выгружая его возле своей самоходки, полусасыпанной снегом, он вдруг почувствовал радость. Дизель был новенький, мощнее старого, и, если его поставить, как ласточка полетит баржа! Ни одна шивера не страшна. И в семье, может быть, все наладится. Сходить бы за тещей, сказать: ладно, мать, приходи назад, без тебя и правда не клеится. Чтобы расплатиться с крановщиком, пришлось сгонять Типсина в магазин. Выпили по стаканчику в холодном, промерзшем кубрике, разговорились. «Слышь, а твоя-то подруга теперь в сопровождении ходит! – заявил веселый, безалаберный крановщик. – Иду вчера поздно, а она гуляет с ним под снежком! Вот зараза, думаю, все бочку на тебя катят, а она с кем ребятишек оставляет?» В ушах у Ильи зашумело, руки ослабли, он больше ничего не слышал. Крановщик с Типсиным давно ушли, а Рогожников бесцельно ходил вокруг новенького двигателя и время от времени с силой пинал его заиндеветый бок. Иногда спохватывался, лез на палубу и смотрел на угор, где стояла врытая в землю скамейка. Казалось, есть там кто-то, ждет его, а кто – во тьме не разобрать. А на память приходили один за другим рассказы про жен капитанов, остающихся на берегу. В эти рассказы Илья никогда не верил, считал обыкновенным трепом наравне с анекдотами о женах, когда их мужья в командировках.

Затем он вернулся в кубрик, достал спрятанное там ружье, зарядил его пулями и бегом направился к дому...

Лунева опоздала часа на полтора. Илья изнывал от ожидания. Несколько раз запускал двигатель, слушал его работу, включал ход, мотаясь на чалке возле пристани. Сильная струя воды пенилась за кормой, ручки штурвала приятно влипали в ладони, и чуть поскрипывала деревянная надстройка.

– Ой, ребята, я задержалась! – виновато оправдывалась Лунева, забираясь на палубу. – Пока то-сё... Я в долгу не останусь! – пообещала она.

– Ящик сока разбился, – хмуро сообщил Рогожников. – Нас «Дельта» в борт шарахнула...

– Ладно, спишем! – махнула рукой завскладом. – Естественные потери допускаются!

– Вот, здесь чуть-чуть еще осталось, – сказал рулевой, показывая банку, – пить будешь?

– Да вы что, ребята! – рассмеялась Лунева. – Если надо – мы новую откроем. Подумаешь!..

Типсин повертел в руках банку, затем взял в рубке мегафон и крикнул:

– Эй, на «Дельте»! Соку хотите?

– Да выбрось ты ее! – разозлился капитан. – Носишься с ней как дурак!

– Жалко... – промямлил моторист. – Добро все-таки...

– Пей сам, – грубо отозвались с «Дельты», – и не подставляй бока...

– У-у, паразиты! – выругался Василий и, зашвырнув банку, скрылся в моторном отсеке.

Рогожников сам скинул чалку с носового кнехта и медленно отвалил. Самоходка после зимнего ремонта отлично слушалась руля, чутко отзывалась на легкое движение штурвала и сектора газа. «Эх, хорошо!» – подумал капитан, однако торжественный момент отплытия был начисто смазан долгим ожиданием и последними словами Савушкина – плыви и помни... Илья дал «лево руля», выбираясь на фарватер, и вдруг боковым зрением заметил, что на этой самой скамеечке, на самом ветру, кто-то есть и вроде бы машет рукой. По одежде – женщина, но лица не рассмотреть. Рогожников высунулся из рубки, но от ветра заслезились глаза и самоходку стало раскачивать на собственной волне.

– Где бинокль?! – крикнул он, но его никто не услышал. Пришлось перебросить ручку на «малый вперед» и выскочить из рубки. На корме стояла Лунева с биноклем у глаз и махала кому-то рукой... Илья чертыхнулся и, вернувшись в рубку, дал «полный». Самоходка чуть присела на корму и набрала скорость. Сипловатый одинокий гудок со звуком надтреснутого колокола поплыл над Туруханском. Если бы его сейчас услышал Витька, наверняка бы сказал – как бык мычит!.. А может быть, он слышит? Может быть, висит сейчас на детсадовском заборе и кричит другим мальчишкам: «Это мой папка! Это он поплыл!..»

Самоходка носила звучное имя – «Золотая». Илья Рогожников был ее седьмым капитаном и всегда думал, что последним. Битая на шиверах, тертая льдами, не раз тонувшая самоходка плавала шестнадцатую навигацию. Когда-то на ней ходили в Красноярск, в Дудинку и Караул, поднимались до Туры и Кислокана по Тунгуске. Но последние три года из-за ненадежности корпуса на дальних рейсах был поставлен крест. Выходило, что на ее капитане – тоже. Рогожникова давно звали геологи на «стотысячник» помощником, была возможность уйти механиком на пассажирский «ВТ», но он упорно не соглашался. Не потому что любил и жалел «Золотую». На своей самоходке Илья Рогожников был капитаном. Бог с ним, что всю зиму работал за сварщика, за слесаря и механика, за снабженца-доставалу и грузчика. Зато потом на целых пять месяцев Илья становился хозяином судна. «Золотую» по весне с нетерпением ждали в близлежащих поселках, вываливали на берег всем населением, орали «ура», махали шапками, палили из ружей, а капитана готовы были качать на руках. «Золотого капитана» знали далеко в округе, мужики стремились угодить ему, помочь чем-нибудь, зато бабы ненавидели его жестоко, и в общем-то обоснованно. Кроме продуктов и промтоваров, Илья возил спирт...

Обратным рейсом он шел груженный пушниной, оленьими шкурами – грузом дорогим – и от этого любил прихвастнуть. «Знаешь, – говорил он на ухо знакомому встретившемуся капитану, – сколько у меня в трюмах лежит? Полтора миллиона, считай, золотом. Подумаю – страшно становится... Сроду не помыслишь: в такой посудине – такие ценности. И приятно, черт возьми!..»

Капитаном Рогожников начинал себя чувствовать именно с момента отплытия. До этого Васька Типсин мог и послать его куда подальше либо на работу не выйти, а потом даже не объяснить почему. Мог и спорить с ним, как лучше отцентровать дизель или еще какой ремонт провести, но едва «Золотая» отваливала по весне от пристани, авторитет капитана мгновенно подскакивал. «Команда» становилась покорной и управляемой.

Илья вывел самоходку на фарватер, и Туруханск начал быстро уменьшаться, сливаясь в белую полосу заснеженных крыш. Мелькнул за стеклом рубки унылый Монастырский остров, и впереди открылось слияние Енисея и Тунгуски – почти море. Здесь всегда штормило, и Рогожников убавил ход – не дрова везем, половина продуктов в стеклотаре...

– Тронулись, капитан? – спросила Лунева, забегаая в рубку. – Замерзла я совсем, ветрище такой...

Рогожников молчал, все еще продолжая видеть перед собой немо кричащего Витьку: «Это мой папка!...»

– Меня сестра провожала, – сказала Лунева, прижимаясь к обогревателю. – А тебя никто не провожает?

– Савушкин, – буркнул Илья.

– Шутник! – рассмеялась Александра. – Упаси бог от таких провожатых!

– Меня не спас...

– Потому что ты с самого начала – дурак, – заявила она. – Не по себе дерево рубил, вот и отлетела щепочка.

– Чего-о?.. – протянул капитан хмуро и грозно. – Какое твое дело?

– Ладно тебе! – весело отмахнулась Лунева. – Я про тебя все-все знаю. И про Лидку знаю. От меня можешь не скрывать, – она рассмеялась, – туруханский Отелло...

«Ну сплетники! – подумал Илья. – Это все бабье разнесло, что проверять приходило. Депутаты, воспитатели... Не совались бы, так мы с Лидкой, может быть, и жили...»

– Ты на меня не злился, Илья, – неожиданно грустно попросила Александра. – Мне в этой истории больше всех тебя жаль. Безвредный ты парень, вот тебе и не повезло. Все на сердце берешь, а в нашей жизни, Илюша, больше умом надо, рассудком жить. Ишь, схватил ружье, помчался... Ведь не убил бы все равно! Не убил бы! А тюрьму железно заработал. Ну не дурак ли?

«Дурак, – про себя согласился Рогожников, – чего говорить-то...»

– Вот жену твою в Туруханске Лидией Сергеевной зовут, – продолжала Александра, – а тебя как? Илья с «Золотой», Илюха Рогожников. Уловил разницу? Соображаешь, почему перевес-то на ее стороне?

Рогожников до конца не сообразил, но основную мысль ухватил. Показалось, в холодной рубке потеплело. Он придавил грудью штурвал, облокотился на него и посмотрел на Луневу. «Она же толк в жизни знает, – подумал он. – Ее тоже колотило не раз, умная женщина...»

Саша Лунева появилась в Туруханске лет семь назад. Приехала с мужем, молодым пилотом Ан-2, откуда-то с Урала. Рогожников иногда зимой встречал их на улице и чуть завидовал. Летчик ходил в собачьих унтах, в меховой куртке нараспашку и в любое время года – в фуражке. Высокий, ладный, по-цыгански смугловатый и веселый. Саша рядом с ним выглядела Снежной королевой: белая шуба, песцовая шапочка и лицо белое, с румянцем от мороза. Так уж издавна повелось во всех северных поселках: жены летчиков, капитанов, геологов почему-то были самыми красивыми, самыми приятными, будто их специально отбирают где-то и отдают в жены мужественным людям. Саша работала продавцом в универмаге, все время на людях – так сказать, «на ветру». Туруханские парни иногда заходили в магазин просто поглядеть на нее, без нужды спрашивали какой-нибудь товар, терлись возле ее прилавка, пряча в воротник небритые подбородки. Она же равнодушно смотрела мимо и, наверное, думала о своем «летуне».

Спустя три года ее муж разбился. Из-за низкой облачности он прижимал самолет к земле и, пересекая Тунгуску, упал на вершину высокой горы, зацепившись крылом за единственную росшую там березку. Он был еще жив после падения, так как смог выбраться из кабины и уползти метров на сто от самолета. Но очень долго не могли отыскать место падения, так как

он несколько отклонился от курса. В поселок его привезли с землей, судорожно зажатой в кулаках, и между пальцев торчали сухие, колючие травинки...

Рогожникова сразила эта смерть. Ему чудилось в ней что-то героическое, необыкновенное, какая-то невыносимая жажда жизни была у этого парня до самого последнего мгновения.

Есть же на земле, думал он, какие-то недостижимые люди. Они и летать умеют, и жены у них красивые, и умирают они вот так, на лету.

Не прошло и года, как по Туруханску разнеслось, будто вдова пилота уже окручивает мужиков в поселке. То с одним видели, то с другим. Ворчали бабы: мужиково тело не остыло еще, а она крутится уже. Рогожников не верил и однажды с тещей своей из-за этого поругался. Сплетни, конечно, не обошли и Сашу Луневу, но она как-то стойко относилась к ним, не огорчалась, не пряталась от злых глаз и языков, как думалось Илье, а ходила в кино и даже на танцы. Но скоро все-таки уехала в Совречку, где Рогожников встретил ее уже в должности завскладом. «Довели человека! – сказал он теще. – Начесали языки – убегать от вас пришлось! Что за люди, никакого житья от вас!...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.